

Н.В. Павлов

*доктор исторических наук, старший научный сотрудник,
профессор кафедры истории и политики стран Европы и
Америки Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД России.
(Россия. Москва)*

РУССКИЕ И НЕМЦЫ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ – ПАРТНЕРЫ ИЛИ СОПЕРНИКИ?

(часть первая)

У статті, яка відкриває серію публікацій з історії російсько-німецьких відносин, розглядаються витоки двосторонньої взаємодії, а саме перші контакти між німцями і росіянами в епоху Київської Русі та їх розвиток у період піднесення Московського царства аж до Великої смуги початку XVII ст. При цьому наголошується, що палітра двосторонніх відносин не обмежувалася сферою торгівлі, але була значно багатшою, включала в себе і династичні узи між російськими князями і представниками Римської, а пізніше Священної Римської імперії німецької нації, і політичний діалог з питань забезпечення національно-державної безпеки, як вона розумілась у Середні віки.

Ключові слова: Київська Русь, Росія, Московське царство, Німеччина, російсько-німецькі відносини, історія міжнародних відносин.

ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ ДО ВОЗВЫШЕНИЯ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Тема российско-германских отношений всегда волновала историков и международныхников уже хотя бы потому, что от их состояния зависел мир и благополучие в Европе. Два народа, две культуры, два общества, две судьбы постоянно пересекались во времени и пространстве, порой сотрясая основы европейской цивилизации. Что это было – запрограммированное соперничество, логичное партнерство или случайное стечение

обстоятельств? Шагать нам вместе или жить каждому в своей конуре? Чего нам ждать от этого взаимодействия в ближайшей и отдаленной перспективе – прорыва к новым берегам обоюдновыгодного сотрудничества на благо всего человечества или новой конфронтации, которая неизбежно затронет всех наших соседей по европейскому дому и отзовется эхом в дальних уголках планеты? Кто мы, наконец, – извечные соперники или все-таки стратегические партнеры, радеющие за новое совместное будущее? На эти вопросы и пытается ответить автор в серии статей, посвященных истории, состоянию и перспективам российско-германских отношений.

* * *

Как не подлежит сомнению, что древняя Русь берет свое начало в «стольном граде Киеве», так неоспорим факт рождения русско-германских контактов с учреждением государственности на германской и российской земле. За точку отсчета можно взять IX век н.э., т.е. образование Киевской Руси в 862 году.

Однако еще до образования Киевской Руси посольство варягов-русов, говоривших на шведском языке, впервые было направлено в 838 – 839 гг. в столицу государства франков г. Ингельгейм (точнее, Нидер-Ингельхайм в провинции Рейн-Гессен в 15 км к западу от Майнца) к франкскому императору Людвигу I Благочестивому. Сведения об этом содержатся в Бертинской хронике, принадлежащей перу епископа Пруденция. Там, в частности, говорилось: «Неведомые пришельцы сказали, что называть их надо Рос»¹. Послы представляли древнерусское государство, киевского князя – кагана. По-видимому, пишет российский историк А. Сахаров, пребывание русского посольства в землях франков (вынужденное или целенаправленное) проходило под знаком установления Русью отношений «дружбы» с франкским двором. Не исключено, что целью посольства являлся сбор определенной информации для правильной политической ориентации Руси, искавшей внешнеполитических контактов.

¹ Хронология российской истории. – М., 1994. – С. 13.

Несколько позже, в 959 году, Великая княгиня Ольга отправила своих послов к германскому королю Оттону I. Древнерусское государство в X в. настойчиво расширяло свои международные связи, стремилось усилить влияние на Западе, поднять свой международный авторитет. В свете этих тенденций появление русской миссии в землях Оттона I было вполне закономерно, тем более что сам германский король проводил активную политику на Востоке. Посылка Ольгой посольства на Запад явилась попыткой вступить с Германией в отношения «мира и дружбы», какие были установлены с Византией после нападения Руси на Константинополь в 860 году. Их суть сводилась тому, чтобы ввести между государствами регулярные посольские обмены, содействовать развитию торговли. В рамках этих «миролюбивых и дружественных отношений» Русь допустила в 961 году в Киев немецкую миссию, как некогда разрешила появление у себя христианских миссионеров из Константинополя после заключения мира с Византией. Глава миссии – Адальберт из трирского монастыря Максимин был типичным «миссийным епископом», которого германский король Оттон I, воинственный христианский политик, пытался превратить в организатора Церкви на Руси. Эта попытка не удалась: слишком прочна еще была языческая толща на Руси, слишком сильной оказалась оппозиция новой религии со стороны правящей верхушки, и в том числе молодого князя Святослава, крепко связанного с дружиной. Однако, несмотря на эту неудачу, политические контакты Руси и Германской империи с того времени стали регулярными: миссия «мира и дружбы» сыграла свою роль².

В 962 году Оттон I был провозглашен императором Римской империи, которая могла представлять угрозу Византии. В условиях римско-византийских противоречий германская дипломатия начала искать контакт со своим естественным

² Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С.119-120; Он же. Место Руси в истории Европы // Феодалная Россия во всемирном историческом процессе. С.188-200.

союзником – Русью. Римские круги старались найти подход к Великому Киевскому князю Ярополку. В 973 году, по свидетельству одного немецкого летописца, в Кведлинбурге (Нижняя Саксония) на германском императорском съезде вновь побывали российские послы, что вкупе с приемом в Киеве послов от Папы Римского Бенедикта VII указывает на новые акценты во внешнеполитической линии Ярополка, противоречившие прежней провизантийской религиозно-политической ориентации правителей Руси³.

В условиях стабилизации государства при Владимире Святославиче продолжались контакты Руси с немцами. Однако они носили спорадический характер. Лишь в период междоусобицы 1015–1019 гг. Ярослав в своей борьбе со Святополком и Польшей постарался заручиться поддержкой германского императора Генриха III. С тех пор интерес германских земель к Руси неизменно возрастал. И с середины XI в. можно говорить о постоянных и довольно тесных связях династии Рюриковичей с «Цесарской страной» и лично с «цесарями»*. Со своей стороны Русь Ярослава Мудрого продолжала линию Ольги, Ярополка и Владимира на укрепление связей с западным миром, стремилась установить с империей политические контакты, расширить торговые связи. В начале 40-х гг. XI в. русские посольства вновь появляются в Германии. Примерно к этому же времени относятся и первые робкие попытки установления династических уний между немецкой и русской элитами. Однако преувеличивать эти связи в эпоху Ярослава не приходится.

Вторая жена Владимира I была дочерью немецкого графа Куно фон Эннингенского. Ярослав Мудрый пытался сосватать одну из своих дочерей за Генриха III, но затея не удалась. Зато немецкие историки пишут, что дочь графа Штаденского из

³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802 – 2002. Т. 1. 860 – 1917 гг. – М., 2002. – С. 31.

* Хотя Римская империя первоначально была связана с Германией в целом, а затем с 964 года постоянно формально и фактически возглавлялась немецкими королями, все же в русской позднейшей традиции, установившейся с XV в., римскими «цесарями» было принято считать только австрийских императоров, а Римской империей – Габсбургскую монархию.

саксонской правящей династии по имени Ода и графиня Орламиндская Кунигунда где-то около середины XI века вышли замуж за российских князей, но, овдовев, возвратились в Германию, где вскоре сочетались браком с немецкими принцами. По всей видимости, Ода была супругой Вячеслава, а Кунигунда – супругой Игоря – младших сыновей князя российского Ярослава Мудрого. Известно, что оба они скончались в юношестве. Однако Ода успела родить Вячеславу сына, которого она впоследствии воспитывала в Саксонии. Скорее всего, это был Борис Вячеславович, сведения о котором, согласно летописцу Нестору, восходят к 1077 году, и который мог до того времени жить в Германии.

Германский король и император Священной Римской империи Генрих IV, прославившийся своим спором с папой Григорием VII («покаяние в Каноссе»), обращался к Великому князю Всеволоду I (1078 – 1093) за помощью против Папы Григория VII и норманнов Северной Италии, надеясь на влияние русского князя, его военную силу и связи с норманнскими правителями. Всеволод, желая освободиться от засилья византийской церкви, связывавшей ему руки, дал обещание помочь немцу против венгров (Ладислава I Святого, союзника папы) и отдать за Генриха IV младшую дочь красавицу Адельгейд (Агнессу), на которой тот женился в 1087 году после смерти своей первой жены. Впоследствии, правда, она ушла в монастырь под именем Евпраксия и умерла игуменью.

Исконно дружественные отношения между немецким и русским народами объективно вели к тому, что еще в древние времена они пытались объединяться и искали друг у друга защиту с тем, чтобы противодействовать общим врагам. Таким противником в начале XI в. стала Польша, которая под предводительством герцога Болеслава I Храброго из рода Пястов вошла в конфликт со своими соседями как на западе, так и на востоке. На западе польский план по созданию единого западнославянского государства вошел в явное противоречие с германской «восточной политикой» и с претензиями на универсальный характер империи при Генрихе II. На востоке Болеслав I также попытался претворить в жизнь великопольские

планы, когда, используя дворцовую смуту в России после смерти в 1015 году Владимира I, вместе со своим зятем и претендентом на трон Святополком занял в 1018 году Киев. И только Ярославу Мудрому удалось на следующий год освободить столицу и оттеснить поляков в верховья Буга.

Следствием великопольского честолюбия стали первые примеры германо-российского политического сотрудничества. После того как в 1024 году Болеслав I стал польским королем, уже в 1031 году под нажимом императора Конрада II при поддержке Ярослава I его преемник вынужден был отказаться от королевского титула, а польское государство лишилось Померании, Лужицкого района и территорий между Вислой и Бугом. В 1039 году Ярослав и император Генрих III сотрудничали в восстановлении Пястов на польском троне при Казимире I.

Его сын Болеслав II (1058 – 1079) перед лицом германо-богемо-русской коалиции вновь занял сторону Папы Григория VII, претензии которого на мировое господство серьезно угрожали позициям Генриха IV, а также независимости православной церкви и самой Киевской Руси. Таким образом, уже на заре своей государственности Польша, опираясь на разного рода претендентов и самозванцев на русский престол (как в очередной раз в начале XVII века), стала вмешиваться в дела России и превратила ее во врага. «Она предпочла племенному родству с восточными славянами – православными русскими – римско-католическую веру и искала благополучия и защиты против немцев и русских у далекого Папы, а в более поздние времена – у далеких западных держав, которые ей поощрительно аплодировали, но на практике ни разу не помогли, когда обстановка между Востоком и Западом опасно накалялась»⁴.

В 1073 году сын Ярослава Мудрого Изяслав, будучи гоним своими братьями и польским королем, искал защиты у германского императора Генриха IV и был представлен ему в Майнце маркграфом Саксонским Деди. Он поднес Генриху

⁴ Kahn Helmut Wolfgang. Die Deutschen und die Russen. – Köln, 1984. – S. 17.

богатые дары и просил заступничества. Его соперник и брат Святослав избежал вмешательства Германии только путем непосредственных переговоров с императором. Успех, достигнутый им, объясняется тем, что сам он был женат на сестре одного из крупнейших германских феодалов. Искал сближения и третий сын Ярослава Всеволод. Его дочь Еврпаксия была замужем за маркграфом Брандербургским⁵.

Владимир Галицкий спасался от венгров у германского императора Фридриха Барбароссы (1125 – 1190 гг.). Император знал Великого князя Суздальского и весьма ласково принял Владимира, располагая информацией, что тот – племянник Великого князя Всеволода III. Фридрих Барбаросса согласился помочь изгнаннику в получении Галича при условии ежегодной выплаты ему 2 тыс. гривен. При поддержке Германии и Польши Владимир снова вокняжился в своей «отчине и дедине». Сын Юрия Долгорукова Андрей Боголюбский возводил Владимира с помощью строителей, посланных ему в помощь Фридрихом Барбароссой.

Тесное взаимодействие наших народов в далекой древности не могло не сказаться на взаимном обогащении языка, нравов и обычаев, да и в целом культурного достояния русских и немцев. При этом, справедливости ради, следует заметить, что наши предки в большей степени были склонны к заимствованиям у германских народов, которые в силу объективных исторических причин опережали славян в темпах восхождения по лестнице европейской цивилизации. Так, обычай российских князей иметь вокруг себя многочисленную дружину восходил к древней германской традиции, описанной еще Тацитом. При Ярославе Мудром российские законы, и прежде всего в области уголовного права, имели много общего с древними немецкими законами. Ну а о языковых заимствованиях и говорить уже не приходится. Об этом детально пишет Н.М.Карамзин в своей «Истории государства российского».

Самостоятельную страницу в истории русско-германских отношений периода феодальной раздробленности на Руси

⁵ История дипломатии. Т. первый. – М., 1941. – С. 121 – 122.

составляет период общения с немцами северных русских городов, прежде всего Новгорода. Собственно, именно в это время происходит и массовое переселение немцев на берега Балтийского моря и начало формирования государственности в Прибалтике, что в конечном итоге вылилось в основание на северо-востоке континента различных немецких княжеств, в первую очередь Восточной Пруссии. Именно в этом регионе и произошла завязка основных контактов между немцами и русскими, во многом определивших весь ход европейской истории. Но это – отдельная история, которая заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Начиная с XIII века политическое развитие российского и германского государства пошло в прямо противоположном направлении: в то время как Священная римская империя начала распадаться, пока, наконец, в XVII столетии в ходе тридцатилетней войны она не превратилась в арену сражений чужеземных войск, Московское же царство, которое, преодолев период «большой смуты» и польского вмешательства, смогло превратиться в новый гравитационный центр в Восточной Европе начало «собирать российские земли», наращивать политический вес и укреплять свои позиции в новых геополитических условиях. И хотя христианство было доминирующей религией среди русских и немцев, его две важнейшие ветви (как и две составные части Римской империи) – римское католичество и греко-византийское православие – в своем неприятии друг друга поставили мощный заслон на пути сближения двух народов. И если одна стала прародительницей Реформации и раздробленности Германии, то вторая (напомним, что в 988 году при Владимире I произошло крещение Руси) оберегала традиции христианство в его первоизданном виде, стала залогом укрепления национального единства и духовной независимости перед лицом экспансионистских устремлений католического Рима и всего латинского Запада. При этом важно иметь в виду, что стремление русских к полной независимости, в том числе от греко-византийского влияния, прослеживалось еще при Ярославе Мудром, который пытался, правда, безуспешно, ввести автокефалию. В конечном счете, отделение Русской

православной церкви от греческой де-факто состоялось в 1448 году (де-юре с 1589 года).

В обстановке объединения русских земель Великим князем Иваном III (1440 – 1505 гг., Великий князь Московский с 1462 года) в целях укрепления западной границы Русского государства и обеспечения выхода к Балтийскому морю Москва стала проводить активную политику на северо-западных рубежах, построив в 1492 году на правом берегу Нарвы сильную крепость Ивангород, заключив с датским королем союз, направленный против Ливонии и Швеции, и, наконец, в 1494 году закрыв и конфисковав ганзейскую торговую контору в Новгороде.

Своей политикой Иван III обратил на себя внимание германского короля и императора Священной Римской империи Фридриха III из рода Габсбургов (1440 – 1493). После того как в 70-е годы XV столетия турки стали осуществлять разбойничьи набеги на Штирию, а венгры – на Австрию (наследные земли Габсбургов), Фридрих хотел привлечь на свою сторону великое княжество Московское против Польши, также активизировавшей свои захватнические устремления. С этой целью он отправил в Москву в 1489 году большое посольство во главе с рыцарем Николаусом Поплау (в русской литературе – Николай Поппель), который побывал в России за три года до этого, и предложил Ивану III быть коронованным Императором Священной Римской империи в качестве «русского короля», на что получил исполненный большого достоинства твердый и категорический отказ. Это не помешало, однако, установить между обеими сторонами дипломатические отношения и обменяться послами в 1489 – 1490 гг. Послом Московского двора стал в 1489 году Юрий Дмитриевич Малой Траханиот (грек Георгий Траханиотис), а Римского короля Максимилиана, сына германского императора, в 1490 году – Георгий Делатор. Именно им было дано поручение отвезти в Австрию на утверждение первый союзный договор с Веней.

Договор имел следующее содержание: «По воле Божией и нашей любви мы Иоанн, Божию милостию Государь Всея Руси, Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский,

Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский (то есть, Казанский) и проч условились с своим братом, Максимилианом, Королем Римским и Князем Австрийским, Бургонским, Лотарингским, Стирским, Каринтийским и про. Быть в вечной любви и согласии, чтобы помогать друг другу во всех случаях. Если Король Польский и дети его будут воевать с тобою, братом моим, за Венгрию, твою отчизну: то извести нас, и поможем тебе усердно, без обмана. Если же и мы начнем добывать Великого Княжения Киевского и других земель Русских, коими владеет Литва: то уведомим тебя, и поможем нам усердно без обмана. Если и не успеем обослаться, но узнаем, что война началась с твоей или моей стороны: то обязываемся немедленно идти друг ко другу на помощь. – Послы и купцы наши да ездить свободно из одной земли в другую. На сем целую крест к тебе, моему брату...

В Москве, в лето 6998 (1490), Августа 16»⁶.

На следующий год Максимилиан одобрил договор целованием креста и клятвенно обещал соблюдать его.

Примерно в то же время произошел обмен посланиями и были установлены регулярные торговые отношения с епископством Любекским. Восстановление отношений и торговли между Ганзой и Русским государством произошло только 19 февраля 1509 г. по решению Великого князя Всея Руси Василия III.

Наследник Фридриха III Максимилиан I (1493 – 1519), став императором, вновь намеревался связать Россию и Священную Римскую империю германской нации брачными узами. Для этого он в 1498 году отправил того же Поплау в Москву с предложением обвенчать одну из дочерей Ивана III с одним из немецких курфюрстов. Это предложение было решительно отклонено, ибо Московский Великий князь «многим землям государь великий», предки которого были «в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали Папе, а сами царствовали в Византии... так как же

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. – М., 1998. – С.131 – 132.

такому великому государю выдать свою дочь за маркграфа?»⁷. Более того, в 1500 году через своего посланца Георга Делатора император предложил теперь уже свою руку знатым московским невестам, но и этому проекту не суждено было осуществиться, поскольку Иван III, как оказалось, не был заинтересован в немецких зятях.

Зато он был заинтересован в Священной Римской империи как в естественном стратегическом союзнике в борьбе против Польши, которая была мощным раздражителем на восточной границе Империи и на западной границе России. С Римской империей Иван III стремился использовать соперничество императора Максимилиана с польскими Ягеллонами из-за Венгрии. Он предлагал союз и намечал план будущего раздела добычи: Венгрию – Максимилиану, Литву – себе. Однако Максимилиан думал достичь своих целей мирным путем. В зависимости от колебаний в германо-польских отношениях происходили изменения и в отношениях германо-русских, пока Максимилиан не нашел для себя более выгодным примириться с Польшей и даже предложил свое посредничество для примирения с ней Москвы⁸.

Иван III продолжал развивать торговые, политические и культурные связи с Германией. Стремясь удовлетворить возросший спрос на книги, русский царь предпринял попытку начать печатание книг, для чего пригласил немецкого книгоиздателя Варфоломея Готана. В 90-е годы XV в. тот привез в Новгород ряд публицистических сочинений (в том числе «Прение живота со смертью»), которые получили распространение в России. А царский посланец Юрий Траханиот занимался в 1489 году в немецких землях привлечением на работу в Россию специалистов горного и железнорудного дела, литейщиков и пороховщиков, каменщиков и плотников. Георгий Траханиотис, которого, кстати говоря, лично принимал во Франкфурте германский король Максимилиан – сын Фридриха

⁷ Цит. по: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Указ соч. – С. 115.

⁸ История дипломатии. Т. 2. Указ. соч. – С. 199.

III, привез с собой в Москву помимо заказанных немецких ремесленников еще и мастера по строительству органов и врача⁹.

В годы правления Василия III (1479 – 1533 гг., Великий князь Московский с 1505 года) дом Габсбургов продолжил обмен посланцами, начатый при Иване III. В 1508 году Московский князь в письме императору напомнил прежние союзнические отношения двух держав и предложил возобновить их. Обстоятельства сложились так, что ответ пришел лишь в 1514 году с миссией императорского посланца Йорга Шнитценпаумера, которому были даны полномочия заключить договор с Москвой, направленный против Литвы и Польши. Предполагалось, что к империи отойдет Пруссия и Силезия, а к Москве – Киев с областью. Это было первое по времени предложение такого рода. Н.М.Карамзин отмечает, что стороны обязались «ни в случае успеха, ни в противном, как в государствовании Сигизмунда [короля Литовского], так и после, не разрывать сего союза, вечного, неременного; условились также в свободе и безопасности для путешественников, послов и купцов в обеих землях»¹⁰. Максимилиан и Василий именовали друг друга братьями, Великими государями и Царями. Русскую договорную грамоту перевели в Москве на немецкий язык и вместо слова «царь» поставили «Kauser». 4 августа того же года в присутствии царских посланников Максимилиан утвердил договор клятвой, скрепил собственноручной подписью и золотой печатью. Однако вскоре император, занятый матримониальными делами своего семейства, предал забвению достигнутые договоренности.

Позднее предложения раздела Польши повторялись периодически. Так, в грамоте от 20 ноября 1572 года Максимилиана II к Ивану Грозному предлагалось уже разделить всю Польшу пополам, имея ввиду присоединение всех этнических польских земель (Великой Польши, Мазовии, Куявии, Силезии) к Империи, а Литвы и ее земель (Белоруссии,

⁹ Kahn H.W. Op- cit. – S.31.

¹⁰ Карамзин. Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Т. VII. – М., 1989. – С. 36.

Подляшья, Украины) – к Московскому царству. Таким образом, пишет В.В.Похлебкин, идея раздела Польши жила и муслировалась в русско-германских отношениях более 250 лет, пока, наконец, не была реализована в конце XVIII века¹¹.

Когда польский король Сигизмунд I после битвы под Оршей в 1514 году захватил в плен знатных русских воинов и отправил их в Рим в качестве подарка Папе Льву X, Максимилиан I отдал приказ освободить пленников и вернуть их в Москву. В 1515 году Максимилиан принял в Инсбруке посланцев Василия. После этого дважды, в 1517 и 1526 годах, Василий III встречался с главой германского посольства бароном Сигизмундом фон Герберштейном, который оба раза провел около семи месяцев на русской земле. Первый раз Герберштейн был послан Максимилианом I, во второй раз – его внуком Фердинандом I, который представлял в Германии своего брата императора Карла V (1519 – 1556)¹².

При Карле V обстановка в Германии была крайне беспокойной, если не сказать больше – вышедшей из-под контроля: постоянные крестьянские войны сопровождалась в тот период движением реформации Мартина Лютера, что в чрезвычайно короткие сроки обратило огромную часть населения в протестантскую веру в противовес католицизму правящего дома Габсбургов. На западных границах против императорского дома начал формироваться союз французской правящей элиты с немецкими князьями в связи с недовольством Франции политикой Габсбургов. А с юго-востока все ближе подступала Турция.

В этих условиях Габсбурги вновь предприняли попытку вступить в союзные отношения с Московским государством, крепнущим день ото дня. Однако обе миссии фон Герберштейна потерпели фиаско, поскольку для Василия III борьба против Литвы и Польши, благодаря которой он смог вернуть

¹¹ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Вып. II – Войны и мирные договоры. Книга I: Европа и Америка. Справочник. – М., 1995. – С. 574.

¹² Kahn H. W. Op. cit. – S. 33.

Смоленск и другие западнорусские территории, а также противодействие крымским и казанским татарам были намного важнее, нежели таскание из огня каштанов для дома Габсбургов. Да и как мог русский, который, по словам Герберштейна, мыл руки, после того как подавал руку лицу «римского вероисповедания», болеть за интересы католического Запада, который в то же самое время угрожал России в лице Литвы и Польши?

В своих путевых заметках, которые вышли лишь в 1549 году в Вене под названием «*Reum Moscoviticarum Commentarii*» («Записки о Московии») фон Герберштейн, несмотря на в целом негативную картину, данную им великокняжескому деспотизму – «московской чуме», приводил много примеров, когда немецкие специалисты взрывного дела и оружейные мастера из Священной Римской империи германской нации (порой против воли своих суверенов) успешно помогали русским воинам в борьбе против татар. В частности, он писал, что в 1521 году, когда татары угрожали взятием Москве, немецкие пороховщики «заслужили большую похвалу, особо же отличился Николаус, родившийся на Рейне недалеко от Шпайера»¹³. Сочинение Герберштейна восполнило большой пробел в западных знаниях о Руси и стало бестселлером своего времени.

И при Иване IV, прозванном «Грозным» (1533 – 1584) немецкие «колбасники» нередко соседствовали с русскими «бражниками». Немецкие купцы, такие как Йоахим Крумхаузен из Любека и Георг Либенхауэр из Аугсбурга, активно содействовали развитию русской торговли. Царя при дворе окружали советники из Германии, такие как Эларт Крузе и Иоганн Таубе (позднее они, правда, дезертировали и сбежали к полякам, за что царь учинил жестокую расправу с немцами в Немецкой слободе в Москве). В его личном войске среди опричников служил в качестве наемника Генрих фон Штаден, который в 1570 году участвовал во взятии Новгорода и захватил в свою личную добычу 49 лошадей и 22 телеги всевозможного

¹³ Цит. по: Dederichs Mario R.. *Gemeinsame Geschichte: Deutsche und Russen//Der neue Flirt*. – Hamburg, 1989. – S. 203.

добра. Будучи дипломатическим агентом одного из немецких князьков, фон Штаден работал на габсбургского императора Рудольфа II (1576 – 1612). В конце 70-х годов XVI столетия он разработал план нападения на Россию и превращения ее в колонию Габсбургов, однако остается неизвестным, был ли ознакомлен с этим планом правящий австрийский дом.

Несмотря на то, что присутствие иноземцев при русском дворе вызывало открытое роптание со стороны бояр, Иван IV послал богатого немецкого купца Иоганна Шлитте, уроженца Гослара, домой в Германию, с тем чтобы тот завербовал для него «докторов, магистров всех вольных искусств, литейщиков, мастеров горного дела, златокузнецов, мастеров по строительству фонтанов, изготовителей бумаги, врачей, плотников, каменотесов, прежде всего таких, которые в состоянии строить красивые церкви»¹⁴. Разумеется, в то время немцы, согласившиеся на такое рискованное предприятия, имели весьма скудную информацию о будущей стране пребывания, но тем не менее срывались с насиженных мест и ехали в далекую Московию. Благодаря стараниям западных мастеров (которых русские скопом окрестили «немцами», в шутку называя их еще «безбородыми» или «колбасниками») царь смог модернизировать производство оружия. Наконец, Иван Грозный дозволил «немцам» обосноваться на берегах Яузы, где примерно в 1576 году была возведена лютеранская церковь Святого Михаила, а затем вокруг нее выросла Немецкая слобода. Во главе прихода встал тюрингский пастор Веттерман. Царь настолько ценил Веттермана, что поручил ему формирование своей библиотеки.

Ливонская война заставила русскую дипломатию активизироваться в 1573 – 1575 гг. Иван Грозный заключил давно запланированный им союз с императором Максимилианом II, которого вынудил признать себя царем «всей Руси», и соглашение о возможном разделе Речи Посполитой. Россия должна была получить Литву и Ливонию, а Священная Римская империя германской нации – Польшу до Буга и Познань. В.В.Похлебкин указывает, что границы предполагавшегося

¹⁴ Ibid. – S. 204.

раздела Польши почти точно совпадали с разделом на сферы влияния, осуществленным спустя 365 лет по договору Молотов-Риббентроп!¹⁵.

Сын Ивана Грозного Федор I не жаловал иностранцев, однако уже следующий правитель – Борис Годунов окружил себя личной гвардией из немцев и держал шестерых высокооплачиваемых немецких лейбврачей. Он же был первым, кто послал молодых русских обучаться на Запад, в том числе в Любек и Австрию. Из них, правда, никто не вернулся на родину, зато немецкие военнопленные с удовольствием оседали в России, получая в свое распоряжение земли и крепостных.

Царь любил иностранцев, был, по выражению великого русского историка С.М.Соловьева, их «потаковником». «Ясно высказанная правительством необходимость сближения с иностранцами для заимствования у них знаний, ясно высказанное, следовательно, убеждение в превосходстве иностранцев, у которых должно учиться, умножение числа этих иностранцев в войске, появление их в сословии торговом, почести, которую оказывал им царь, державший медиков своих, как князей или бояр, – все это не могло не породить в некоторых русских людях желания подражать иностранцам и начать это подражание, по известному закону, со внешнего вида»¹⁶.

Годунов разделял идею Грозного о необходимости приобретения Москвой Ливонии, которое было невозможно без столкновения с Польшей. В попытке заполучить на свою сторону союзника он направил к австрийскому императору Рудольфу посланника, думного дьяка Афанасия Власьева, который добирался до дома Габсбургов аж из Архангельска через Данию и Норвегию, а затем по руслу Эльбы. Австрийские вельможи, однако, ясно дали понять русскому послу, что не намерены жертвовать ради Москвы тесным союзом с польским королем Сигизмундом, а следовательно расчеты России на альянс с Габсбургами теряли всякий смысл: Борис Годунов не мог ради императора позволить себе начать войну с турками – давними

¹⁵ Похлебкин В.В. Указ соч. – С. 169.

¹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 2010. – С. 124.

врагами австрийцев, император же не мог воевать с поляками ради сомнительных перспектив «дружбы» с далекой и неизведанной Россией.

Отношения Московского царства с двумя небольшими немецкими государствами – Бранденбургским курфюршеством и герцогством Пруссией, первоначально совершенно разными, отдельными, но затем постепенно слившимися и объединившимися под главенством одной династии – Гогенцоллернов и превратившимися в королевство Пруссию – ядро будущей Германской империи, были установлены в самом начале XVI в.: с Тевтонски орденом (будущей Пруссией) – в начале 1516 года, а с Бранденбургом – в 1517 году.

Причина, побудившая крепнущее Московское царство искать контакты с небольшими немецкими княжествами, заключались в том, что у тогдашней России были с этими немецкими землями общие, важные интересы, им противостоял один общий, сплоченный, очень сильный и опасный сосед – Литовское и Польское государство. Вот почему до тех пор, пока Польша и Литва в XVI – XVII вв. были одним из главных противников России и с ними приходилось вести нескончаемые войны, отношения Русского государства с Бранденбургом и Пруссией оставались неизменно союзными и дружественными. Русские и немцы нуждались друг в друге как союзники против польской и литовской агрессии. И хотя помощь маленького Бранденбурга и составленной из нескольких клочков Пруссии не могла быть для России сколько-нибудь серьезной, эти немецкие княжества, где с XII в. культивировался наступательный порыв на восток и имелся значительный опыт войн с польскими и литовскими армиями, представляли для России немалый политический и военно-инструкторский интерес и рассматривались русской стороной как своего рода необходимый противовес – «второй фронт» против польско-литовской военной угрозы. Так было в XVI и XVII вв.¹⁷.

¹⁷ Там же.

The article, which is the first article of the publications series is devoted to the Russian-Germanic relations history regards the sources of bilateral interaction, the first contacts between Germans and Russians in the epoch of Kievan Rus' and their development during the period of Moscow kingdom exaltation to the Great Turmoil in the early XVII cent. It was noted that the palette of bilateral relations wasn't limited by the sphere of trade; it was richer including dynastic ties between Russian princes and representatives of Roman, later Sacred Roman Empire of Germanic nation as well as a political dialogue on the national-state safety as it was understood in the Middle Ages.

Key words: Kievan Rus', Russia, Moscow kingdom, Germany, Russian-Germanic relations, history of international relations.

В статье, которая открывает серию публикаций по истории российско-германских отношений, рассматриваются истоки двустороннего взаимодействия, а именно первые контакты между немцами и русскими в эпоху Киевской Руси и их развитие в период возвышения Московского царства вплоть до Великой смуты начала XVII в. При этом отмечается, что палитра двусторонних отношений не ограничивалась сферой торговли, но была гораздо богаче, включая в себя и династические узы между русскими князьями и представителями Римской, а позднее Священной Римской империи германской нации, и политический диалог по вопросам обеспечения национально-государственной безопасности, как она понималась в Средние века.

Ключевые слова: Киевская Русь, Россия, Московское царство, Германия, российско-германские отношения, история международных отношений.